

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2.09-1+929[Платен+Гёте]

СКРЫТЫЕ ЖЕЛАНИЯ: СЛОЖНЫЙ ПУТЬ АВГУСТА ФОН ПЛАТЕНА К ГЁТЕ¹

О. А. Радченко

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, radoleg@gmail.com

Статья посвящена поиску источников вдохновения выдающегося немецкого поэта-романтика Августа фон Платена (1796–1835) с использованием «пристального чтения» как базового интерпретативного метода в гендерной поэтике. В статье с этой целью проанализирован так называемый гендерный канон И. В. фон Гёте (1749–1832), охватывающий произведения периода 1774–1821 гг. Этот период творчества Гёте является предметом ожесточенной полемики в современном литературоведении, однако именно он оказался наиболее важным для становления Платена как миноритарного поэта.

Ключевые слова: гендерная поэтика, Август фон Платен, Иоганн Вольфганг фон Гёте, миноритарная поэзия, эротический дискурс.

Hidden Wishes: August von Platen's Sophisticated Way to Goethe

О. А. Radchenko

Oleg A. Radchenko, <https://orcid.org/0000-0003-3808-9461>, Moscow State Linguistic University, 38, build. 1, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia, radoleg@gmail.com

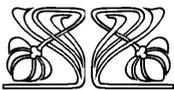
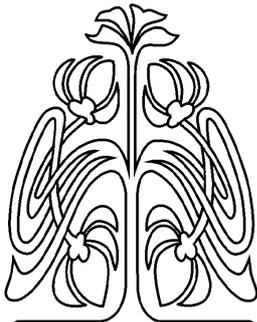
The article deals with August von Platen's – an outstanding German romantic poet (1796–1835) – search for sources of inspiration, using 'close reading' as a basic interpretative method in gender poetics. In this article, for this purpose, the so-called Goethe's 'gender canon', embracing specific Goethe's works created between 1774 and 1821, was analyzed. This period of Goethe's creativity is a subject of fierce controversies in contemporary literary criticism, but specifically this period proved to be the most important for Platen's formation as a minority poet.

Key words: gender poetics, August von Platen, Johann Wolfgang von Goethe, minority poetry, erotic discourse.

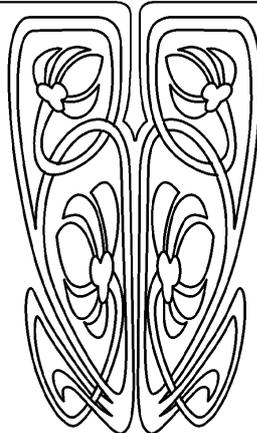
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-420-426>

В 1903 г. в Германии вышла в свет весьма примечательная книга тогда еще совсем молодого литературоведа Рудольфа Унгера (1876–1942)² «Платен в его отношении к Гёте. Очерк истории внутреннего развития одного поэта»³. Выбор подобной темы для своей первой значительной публикации, равно как и для предшествующей ей кандидатской диссертации, Р. Унгер делает не случайно: Август фон Платен был в каком-то смысле наследником И. В. фон Гёте (1749–1832) в немецкой литературе, прославленным автором газелей в стиле великого персидского поэта XIV в. Хафиза Ширази, любовной лирики, сонетов и политических стихотворений, сатирических драм, баллад и исторических летописей⁴. Дневники Платена⁵ позволяют вполне оценить высокую степень восторга и почитания, которые испытывал молодой Платен к своему духовному наставнику, и это заставляет Р. Унгера вопрошать о том, насколько эти восторг и почитание были обоснованы сходными чертами в творчестве Гёте (в особенности в его молодые годы) и спецификой лирики Платена.

Эта специфика превратила его в изгоя в глазах современников и вынужденного эмигранта, а в современной гендерной поэтике – в удивительного героя, поскольку она была связана с его гендерной ми-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

норитарностью⁶, отчетливо проявившейся в первых же опубликованных стихотворениях. Весьма примечательно, что в исследовании Р. Унгера просматривается явная недооценка гения А. фон Платена, что также может найти свое объяснение в отношении к миноритарности в германском обществе начала XX столетия.

Говоря о периодах влияния творчества Гёте на Платена, Унгер упоминает в своей работе четыре основных временных порога: 1816, 1818, 1820 и 1926 гг., в зависимости от степени этого влияния. Что же касается собственно поэзии Платена, то Унгер устанавливает три периода ее развития с переходами в 1813 и 1824 гг. В настоящей статье мы обратимся к периодам до 1813 г. и 1813–1821 гг., представляющим наибольший интерес с точки зрения генезиса Августа фон Платена как крупнейшего миноритарного поэта Германии XIX столетия.

Armer Jüngling! Deine Leiden *schlagen*
An mein tiefgerührtes Herz,
Dreimal hör ich jede deiner Klagen,
Deinem Gram vermählet sich mein Schmerz.
Ja, ich fühle deines Jammers Größe,
Deine ganze unermessne Pein,
Herzerreißend ist dein Gram gewesen...
Grenzenlos, unsterblich war dein Lieben,
Grenzenlos und wütend deine Qual...⁸

Между тем приближается 1813 г., в котором Платен признается самому себе в особых эротических предпочтениях, сформировавших его постепенно как яркую маргинальную личность. В этот период Унгер отмечает процесс «приближения Платена к Гёте на поле романтизма»: о восторженном отношении к творчеству Гёте свидетельствуют записи в дневнике, сказка «Сын розы» и особенно конечные строфы «Второй сатиры Буало. Посвящения Гёте». Несомненно влияние поэзии чувственности классика немецкой литературы на творения Платена этого периода («Эпитафия девушки», «Девичьи песни мира», «На кончину Виланда» и др.). Платен пишет: «Я непрестанно занят Гёте. Этот муж остается для

Doch heiter lachend wie die Morgenröte
Drängt mich zurück zum Leben und zur Freude
Der süßen Lieder süßer Schöpfer Goethe!¹⁰

Но что открывает для себя Платен в этих «сладких песнях»? Есть ли что-то в творчестве Гёте, что можно отнести к области гендерной поэтики? Ответ на этот вопрос вызывает с конца 1990-х гг. непрестанную полемику в немецком литературоведении, приведшую уже к формированию в нем двух непримиримых лагерей. Личная жизнь Гёте перестала быть на этом фоне всего лишь эпизодом, она превратилась

Период до 1813 г. можно рассматривать как время пока еще «удаленности» Платена от Гёте, поскольку это был весьма ранний этап в жизни Платена, родившегося в 1796 г. в Ансбахе, поступившего в 1806 г. в Мюнхенский кадетский корпус и поначалу увлекавшегося стихами Ф. фон Шиллера. Лишь к концу своего пребывания в кадетском корпусе Платен увлечется Гёте и начнет писать подражания ему, например его «Лесному царю» («Альпийский пастух и его сын»)⁷. Но подражания не ограничиваются балладами, они прослеживаются и в ранних драмах, а в 1811 г., когда Платен уже обучается в Королевском пажемском институте, он пишет своего «Вертера», в 1812 г. создает стихотворное послание «Оттилии из Гётева “Избирательного родства”».

Если обратиться к «Вертеру», трудно не услышать голос сострадания и волнения начинающего поэта, хотя ни слова о предмете страдания не упоминается:

Бедный юноша! Твои страдания *проникают*
В мое глубоко тронутое сердце,
Трижды слышал я твои жалобы,
С твоей печалью обручается моя боль.
Да, я ощущаю величину твоего страдания
Всю твою неизмеримую боль,
Раздирающей сердце была твоя тоска...
Безграничной, бессмертной была твоя любовь,
Безграничной и безумной – твоя мука...

меня все еще полузагадкой. Его элегии, *невзирая на их обольстительную аморальность*, восхищают меня как великие шедевры. <...> Его Эпиграммы из Венеции и его Пророчества дают мне пищу к глубоким раздумьям. Он часто пробуждает во мне двумя словами обилие мыслей. В его творениях живет целый мир»⁹ (курсив наш. – О. Р.).

В этот период Платен читает второй и третий тома Полного собрания сочинений Гёте, весьма хвалит «Ифигению» и «Римские элегии», читает «Венецианские эпиграммы» и внимательно изучает «Ганимеда». Восторженность Платена не содержит при этом ничего мрачного или тягостного, напротив, Гёте заставляет Платена забыть о своих первых личных неудачах:

Однако, весело смеясь, как зарница,
Влечет меня обратно, к жизни и радости
Сладких песен сладкий творец Гёте!

в объект самого пристального внимания тех исследователей, которые усматривают истоки вдохновения в глубоко личных переживаниях и, как представляется, справедливо устанавливают отношения взаимозависимости между этими феноменами¹¹.

Почему, к примеру, Платена так привлекает Гётев «Ганимед»? Читаем этот текст в оригинале и в качестве контраста – в переводе В. Левика¹²:

Wie im Morgenglanze
Du rings mich anglühst,
Frühling, Geliebter!
Mit tausendfacher Liebeswonne
Sich an mein Herz drängt
Deiner ewigen Wärme
Heilig Gefühl,
Unendliche Schöne!
Dass ich dich fassen möcht'
In diesen Arm!
Ach an deinem Busen
Lieg' ich, schmachte,
Drängen sich an mein Herz.
Umfangend umfangen!
Du kühlst den brennenden
Durst meines Busens,

Lieblicher Morgenwind,
Ruft drein die Nachtigall
Liebend nach mir aus dem Nebeltal
Ich komm'! Ich komme!
Wohin? Ach, wohin?
Hinauf! Hinauf strebt's.
Es schweben die Wolken
Abwärts, die Wolken
Neigen sich der sehnenen Liebe

Mir! Mir!
Und deine Blumen, dein Gras
In euerm Schoße
Aufwärts!
Aufwärts an deinen Busen,
Alliebender Vater!¹³

Словно блеском утра
Меня озарил ты,
Май, любимый!
Тысячеликим любовным счастьем
Мне в сердце льется
Тепла твоего
Священное чувство,
Бессмертная Красота!
О, если б я мог
Ее заключить
В объятия!
На лоне твоём
Лежу я в томленьи,
Прижавшись сердцем
К твоим цветам и траве.
Ты охлаждаешь палящую
Жажду в груди моей,
Ласковый утренний ветер!
И кличут меня соловьи
В росистые темные рощи свои.
Иду, поднимаюсь!
Куда? О, куда?
К вершине, к небу!
И вот облака мне
Навстречу плывут, облака
Спускаются к страстной
Зовущей любви
Ко мне, ко мне!
И в лоне вашем
Туда, в вышину!
Объятьи, объёмлю,
Все выше, к твоей груди,
Отец Вседержитель!

Если исключить из русского перевода неожиданную христианскую тему, которой замечательный переводчик, по всей видимости, пытался скрасить однозначную предосудительную эротичность этого стихотворения, текст предстанет перед нами как жаркое признание в любви, при полном отсутствии какой-либо женской темы. Гёте написал это стихотворение в 1774 г. (ему всего лишь 25 лет!),

а четырьмя годами позже появится его шедевр «К месяцу», жалобная песнь поэта, оплакивающего то, чем он уже не может обладать. Первая версия этого стихотворения заканчивается следующими двумя невероятно откровенными строками (теряющимися совершенно в переводе В. А. Жуковского¹⁴, но также и других поэтов, пытавшихся передать смыслы этого интимного признания):

Selig, wer sich vor der Welt
Ohne Hass verschließt,
Einen Mann am Busen hält
Und mit dem genießt,
Was den Menschen unbewusst
Oder wohl veracht'
Durch das Labyrinth der Brust
Wandelt in der Nacht!¹⁵

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,
Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

(выделено нами. – О. Р.).

Конечно же, «родная душа» в трактовке Жуковского возникает неслучайно – Гёте вскоре переработал это стихотворение и заменил (как принято считать, по совету Шарлотты фон Штейн – и это также весьма показательно) в тексте стихотворения одно слово (Mann – мужчина) на *einen Freund am Busen hält* («прижимает друга к груди»), и это полностью изменило тональ-

ность стихотворения, увело читателя в сторону дружеского сочувствия, но смысл последней строфы это не изменило совершенно: Платен не мог не прочитать между строк, о каком именно предмете говорит Гёте, чего именно не ведают толпа, что она презирает (именно так в оригинале) и что именно бродит по лабиринту души Гёте ночной порой.

Обратимся еще к одному компоненту «гендерного канона» Гёте – к «Венецианским эпиграммам» (1790 г.), одному из любимых чтений Платена. Отметим сразу же любопытную деталь: в десяти-

томном Собрании сочинений И. В. Гёте¹⁶ мы обнаружим переводы этих эпиграмм на русский язык, но лишь до 103-й. А между тем в непереуведенной эпиграмме 162 можно прочитать следующее:

Ach, wie herzt' ich den Knaben, den lieben sittlichen Eros!
Heute war er der Sohn der himmelgeborenen Göttin,
Drückt ihn sanft an mein Herz, und wir vermischten die Tränen¹⁷
(Ах, как ласкал бы я отрока, милого целомудренного Эроса
Ныне он был сыном небеснорожденной богини.
Нежно прижал я к груди его, и наши слезы слились).

В еще более шутиковой по тону, но весьма пикантной эпиграмме 143 читаем:

Knaben liebt ich wohl auch, doch lieber sind mir die Mädchen,
Hab ich als Mädchen sie satt, dient sie als Knabe mir noch¹⁸
(Отроков также любил я, но все же милей мне девицы,
Как надоест мне она, служит как отрок еще).

Стилистическая маскировка, позволяющая Гёте высказывать чрезвычайно фривольные мнения, применяется им и в «Элегиях» (созданных в

1788–1790 гг.). Ярким примером этой стилистики можно считать десятую элегию, в которой внешне все выглядит весьма благопристойно:

Alexander und Cäsar und Heinrich und Friedrich, die Großen,
Gäben die Hälfte mir gern ihres erworbenen Ruhms,
Könnst ich auf *eine* Nacht dies Lager jedem vergönnen;
Aber die Armen, sie hält strenge des Orkus Gewalt.
Freue dich also, Lebendger, der lieberwärmeten Stätte,
Ehe den fliehenden Fuß schauerlich Lethe dir netzt¹⁹
(Александр, и Цезарь, и Генрих, и Фридрих, Великие,
Отдали бы мне половину обретенной ими славы,
Если бы каждому мог это ложе передать хоть на *одну* ночь;
Но бедные, они под Оркуса строгим надзором.
Возрадуйся ж, ныне живущий, согретому любовью ложу,
Прежде чем бег твоих ног страшная Лета уймет)

(курсив автора. – О. Р.).

Показателен перечень героев, с которыми Гёте хотел бы поделиться «ложем, согретым любовью»: помимо указания на античных полководцев Александра Македонского и Цезаря (иными словами, представителей цивилизации, в которой все виды любви были допустимы), Гёте еще более прозрачно намекает на характер этого ложа, упоминая Фридриха II Великого и его брата Генриха, известных своей крайней неприязнью к женскому полу. В элегии 20 эти намеки облекаются в форму любви как «прекрасной тайны» (ein schönes Geheimnis)²⁰.

Но наиболее откровенным следует все же считать стихотворение «Близость любимого» (Nähe des Geliebten), написанное Гёте около 1796 г. Переводы этого стихотворения на русский язык позволяют приоткрыть занавес и заглянуть в мастерскую русских поэтов-переводчиков, со всей очевидностью усматривавших в этом стихотворении попытку Гёте перевоплотиться в женщину и говорить о любви от ее лица либо вообще обращаться к любимой, а не к любимому (например, в варианте перевода А. А. Дельвига «Близость любовников (Из Гёте)»²¹):

Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer
vom Meere strahlt;
Ich denke dein, wenn sich des Mondes Flimmer
In Quellen malt.
Ich sehe dich, wenn auf dem fernen Wege
Der Staub sich hebt;
In tiefer Nacht, wenn auf dem schmalen Stege
Der Wanderer bebt.
Ich höre dich, wenn dort mit dumpfem Rauschen
Die Welle steigt.
Im stillen Haine geh' ich oft zu lauschen,

Блеснет заря, и все в моем мечтаны
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчаны
Сребрит луна.
Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль, и прах
И с трепетом идет прошлец убогий
В глухих лесах
Мне слышится твой голос несравненный
И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной

Wenn alles schweigt.
Ich bin bei dir; du seist auch noch so ferne,
Du bist mir nah!
Die Sonne sinkt, bald leuchten mir die Sterne.
O, wärst du da!²²

Меня зовет
Я близ тебя; как не была б далеко,
Ты все ж со мной.
Вошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!

Гораздо ближе к смыслу этого стихотворения и его теме перевод И. М. Борна «Близость любез-

ного», хотя и здесь на первый план выдвигается идея дружбы:

Ты мысль моя, когда от моря луч
Является;
Ты мысль моя, когда свет месяца
В струях горит.
Я зрю тебя, когда подымется
С дороги пыль;
И в поздню ночь, на узкой коль стези
Зрю странника.
Я слышу там, в шуме валов, тебя,
Мой милый друг!
И в тишине лесов мне слышится
Твой нежный глас.
Я близ тебя, и в отдалении
Ты близок мне;
Спустился мрак, сияют звезды, ах!
Где ты, мой друг?²³

Немецкий оригинальный текст, конечно же, можно было бы трактовать с позиции чувственности конца XVIII столетия, но степень пронзительности любовных признаний превосходит в нем принятую в ту эпоху моду на сердечные признания и слезы, проливаемые в письмах к близкому друг, тем более что в данном случае признания адресованы именно ему, а не третьему лицу.

Наконец, приведем еще одно произведение молодого Гёте, написанное той же тайнописью, разгадка которой содержится в самом его названии – знаменитое «Willkommen und Abschied». Текст этого замечательного стихотворения сподвиг и автора этой статьи в студенческие годы на создание романтической версии прощания молодого человека с любимой в следующем варианте:

Es schlug mein Herz, geschwind zu Pferde!
Es war getan fast eh gedacht.
Der Abend wiegte schon die Erde,
Und an den Bergen hing die Nacht;
Schon stand im Nebelkleid die Eiche
Ein aufgetürmter Riese, da,
Wo Finsternis aus dem Gesträuche
Mit hundert schwarzen Augen sah.
Der Mond von einem Wolkenhügel
Sah kläglich aus dem Duft hervor,
Die Winde schwangen leise Flügel,
Umsausten schauerlich mein Ohr;
Die Nacht schuf tausend Ungeheuer,
Doch frisch und fröhlich war mein Mut:
In meinen Adern welches Feuer!
In meinem Herzen welche Glut!
Dich sah ich, und die milde Freude
Floss von dem süßen Blick auf mich;
Ganz war mein Herz an deiner Seite,
Und jeder Atemzug für dich.
Ein rosenfarbnes Frühlingswetter
Umgab das liebliche Gesicht,
Und Zärtlichkeit für mich, ihr Götter!
Ich hofft' es, ich verdient' es nicht!
Doch ach, schon mit der Morgensonne

Забилась в сердце злая мука!
Лишь миг – и конь умчится прочь,
Хоть вечер землю убаюкал
И млела над горами ночь,
И дымка нежно обряжала
Дуб-великан в венец ветвей,
Где темень множеством очей
Из мрачных зарослей взирала.
Луна с заоблачного рая
Мерцала грустно сквозь туман,
А ветер, крыльями играя,
Грозил мне, гневом обуян!
Искусна ночь в химерных силах!
Но дух мой бодр среди теней!
Какой огонь в поющих жилах!
Какой пожар в груди моей!
Ты здесь! – И мне блаженство льётся
С очей твоих на бледный лик...
О, для тебя лишь сердце бьётся
И жив дыхания родник!
В сиянье бархатном укроет
Весна любви лицо твоё...
Какая нежность! Но её –
О боги! – жизнь моя не стоит.
Но, ах, зари зацвёл миндаль,

Verengt der Abschied mir das Herz:
In deinen Küssen welche Wonne!
In deinem Auge welcher Schmerz!
Ich ging, du standst und sahst zur Erden
Und sahst mir nach mit nassem Blick:
Und doch, welch Glück, geliebt zu werden!
Und lieben, Götter, welch ein Glück!²⁴

Пронзает сердце расставанье
В твоих устах дрожит желанье!
В очах безумствует печаль,
То вниз скользят неуловимо,
То вслед мне тянется их нить
И всё же счастье – быть любимым!
И как божественно любить!

Это великолепное стихотворение, однако, не имеет романтического подтекста любви к прекрасной даме и прощания с ней. Его название скрывает еще один намек Гёте, но уже юриста, а не только поэта: термином *Willkomm und Abschied* во времена Гёте называли наказание за «содомию». Тем самым интерпретация в стиле «Здравствуй и прощай» представляется единственно понятной и доступной современному читателю и переводчику, но она представлялась совершенно иначе просвещенному читателю XVIII столетия, особенно тому, кто использовал прием «пристального чтения», погружения в материю со знанием гендерной пресуппозиции,

а таким читателем Платен, несомненно, был.

Вершиной и одновременно основным источником вдохновения для эротической лирики Платена в стиле персидской любовной поэзии мог быть и «Западно-восточный диван» (1816 г.), в котором целая книга – «Книга Кравчего» – посвящена любви юноши, прислуживающего известному поэту, который безнадежно влюблен в неприступную девушку и поэтому пропадает в таверне. Знаменитый фрагмент этой книги вновь чрезвычайно нивелируется превосходным, но избегающим намеков переводом на русский язык О. Чухонцева²⁵, включающего дружеские узы в этот сюжет:

Nennen dich den großen Dichter,
Wenn dich auf dem Markte zeigest;
Gerne hör' ich, wenn du singest,
Und ich horche, wenn du schweigest.
**Doch ich liebe dich noch lieber,
Wenn du küssest zum Erinnern;**
Denn die Worte gehn vorüber,
Und der Kuss, der bleibt im Innern.
Reim auf Reim will was bedeuten,
Besser ist es, viel zu denken.
Singe du den andern Leuten
Und verstumme mit dem Schenken²⁶

(выделено нами. – О. Р.).

Господин, твой дар чудесный
По базарам чтут недаром:
Ты поешь – я вторю песне,
Ты молчишь – я внемлю с жаром.
Но когда ты другу даришь
Поцелуй – уста немеют,
Ибо все слова – слова лишь,
Поцелуй же душу греет.
Рифмовать – твоя работа
Размышлять – твое призванье.
Пой другим, когда охота,
А со мной – дели молчанье.

«Неточности» перевода О. Чухонцева касаются наиболее значимых строк в этом фрагменте: «Но тебя люблю я больше, / Коль целуешь ты на память», «Поцелуй хранится в сердце», «С кравчим поделись молчаньем» (перевод наш. – О. Р.).

Важным подтверждением того, что эта часть «Дивана» была гендерно маркированной, можно считать чрезвычайно красноречивый факт: М. А. Кузмин (1872–1936), автор «газэл» и известнейший миноритарный поэт России, будучи приглашенным в коллектив переводчиков «Дивана» вместе с С. В. Шервинским, избрал себе для перевода на русский язык эту часть поэмы Гёте²⁷.

Тем самым поиск сюжетов и намеков, способных окрылить Платена в его поэтических опытах, приводит к удовлетворительному результату, хотя несомненна и зыбкость доказательств гендерной миноритарности поэзии молодого и зрелого Гёте. Маскирующий стиль Гёте крайне осложняет отделение автора от рассказчика и героя, так что в этом случае «каждое отдельное художественное высказывание предстает *гротескным* переходом от авторской преднамеренности к преднамеренности героя, и обратно.

Посредником же между ними выступает рассказчик»²⁸ (курсив автора. – О. Р.).

Можно в этой связи согласиться с Р. Унгером в том, что 1820 год стал очередным этапом в творческой жизни Платена – тема, столь явно представленная в столь скрытом виде в творениях Гёте, практически исчезает из стихотворений «князя поэтов». Но Платен уже пишет свои «Газели», и они выходят в свет в 1821 г., в октябре этого же года он, наконец, встречается со своим духовным наставником, весьма благожелательно отзывавшимся о первых опытах юного Платена. Первая часть пути пройдена, начинается процесс отдаления, разочарования, поиска утешения и побега от него.

Примечания

- 1 Статья является продолжением исследования, отдельные фрагменты которого были включены в доклад автора на тему «Близость Платена к Гёте» в Музее Гёте в Дюссельдорфе, прочитанный 19 декабря 2011 г.
- 2 Рудольф Унгер – выпускник Мюнхенского университета, защитил кандидатскую диссертацию в 1902 г. на

- тему «Платен в свете его отношения к Гёте», а в 1905 г. докторскую, посвященную Иоганну Георгу Гаманну и его теории языка и направленную против господствовавшего в то время позитивизма в теории литературы. С 1911 г. он преподавал в родном университете, затем, в 1915–1917 гг., – в Базельском университете, в 1917–1920 гг. – в университете Галле, в 1920–1921 гг. – в Цюрихском, в 1921–1924 гг. – в Кенигсбергском университете, в 1924–1925 гг. – в Бреслау, а с 1925 г. – в Геттингенском университете. В 1929 г. Р. Унгер был избран действительным членом Геттингенской Академии наук.
- ³ См.: *Unger R.* Platen in seinem Verhältnis zu Goethe : Ein Beitrag zur inneren Entwicklungsgeschichte des Dichters. Berlin, 1903.
  - ⁴ См.: *Радченко О.А.* Эротический дискурс в парадигме стигматизированной поэзии // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2. С. 61–68.
  - ⁵ См.: *Platen A. Graf von.* Tagebücher. Im Auszuge München ; Leipzig, 1905. (Die *Fruchtschale*; 2); *Platen A. Graf von.* Tagebücher. Auswahl und Nachwort von Rüdiger Görner. Zürich, 1990. (Manesse-Bibliothek der Weltliteratur).
  - ⁶ Термин «(гендерная) миноритарность» и производный от него термин «миноритарный поэт» введены автором статьи в терминологию гендерной поэтики в значении «уранического», «гомоэротического».
  - ⁷ Выбор этого стихотворения сам по себе уже интересен, поскольку оно наполнено античным духом, вызывает ассоциации с историей Зевса и Ганимеда, отражает ту сторону творчества Гёте, которую принято относить к гомоэротике.
  - ⁸ August Graf von Platens sämtliche Werke in zwölf Bänden. Historisch-kritische Ausgabe mit Einschluß des handschriftlichen Nachlasses / hrsg. von Max Koch und Erich Petzet. Leipzig : Hesse & Becker (Max Hesses neue Leipziger Klassiker-Ausgaben), 1909–1910. Bd. 5. S. 42 (везде курсив и перевод наши. – *O. P.*).
  - ⁹ *Och G., Kempf K.* August Graf von Platen im Horizont seiner Wirkungsgeschichte. Ein deutsch-italienisches Kolloquium. De Gruiter ; Berlin ; Boston, 2012. S. 30.
  - ¹⁰ *Gesammelte Werke des Grafen von Platen.* Stuttgart und Tübingen : Cotta, 1839. S. 43.
  - ¹¹ См.: *Mauser W., Becker-Cantaruno B.* Frauenfreundschaft – Männerfreundschaft : Literarische Diskurse im 18. Jahrhundert. Tübingen, 1991 ; *Pruys K. H.* Die Liebkosungen des Tigers – Eine erotische Goethe-Biographie. Berlin, 1997 ; *Tscheck E., Herzer M.* «Der mann-männliche Eros in der deutschen Romantik» // Forum Homosexualität und Literatur. 1996. № 26. S. 83–98 ; *Höpfner N.* Goethe und sein Blitz page Philipp Seidel. Zur Homosexualität des Dichtersfürsten. Düsseldorf, 2004.
  - ¹² *Гёте И. В.* Лирика. Переводы с немецкого. М., 1966.
  - ¹³ См.: *Goethe J. W. von.* Goethes Schriften. Achter Band. Leipzig : Göschen G. J., 1789. S. 210–211.
  - ¹⁴ См.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. Стихотворения. М. ; Л., 1959. С. 298.
  - ¹⁵ *Goethe J. W. von.* Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16], Bd. 2. Berlin, 1960 ff. S. 75–76, 570–571.
  - ¹⁶ См.: *Гёте И. В.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1975–1980.
  - ¹⁷ *Goethe J. W. von.* Gedichte. Vollständige Ausgabe. Stuttgart : J. G. Cotta : Bd. 1. 1891. S. 1262.
  - ¹⁸ *Goethe J. W. von.* Berliner Ausgabe. Herausgegeben von Siegfried Seidel : Poetische Werke [Band 1–16] ; Kunsttheoretische Schriften und Übersetzungen [Band 17–22]. Bd. 2. Berlin : Aufbau, 1960 ff. S. 138.
  - ¹⁹ *Goethe J. W. von.* Gedichte. Bd. 1. S. 177.
  - ²⁰ Ibid. S. 186.
  - ²¹ См.: *Дельвиц А. А.* Сочинения. Л., 1986. С. 110.
  - ²² *Goethe's Werke.* Vollständige Ausgabe letzter Hand. Cotta, Stuttgart und Tübingen, 1827. S. 58.
  - ²³ *Борн И. М.* Близость любезного // Свиток Муз. СПб., 1802. Кн. 2. С. 24.
  - ²⁴ *Goethe's Werke.* S. 68–69.
  - ²⁵ *Гёте И. В.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. С. 397–398.
  - ²⁶ *Goethe's sämtliche Werke in vierzig Bänden.* Bd. 4. Cotta, Stuttgart und Tübingen, 1840. S. 121.
  - ²⁷ См.: *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. М., 1932.
  - ²⁸ *Бондарев А. П.* Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности // Вестн. МГЛУ. Сер. Философия и культурология. 2012. Вып. 11 (644). С. 246.

Образец для цитирования:

Радченко О. А. Скрытые желания: сложный путь Августа фон Платена к Гёте // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 420–426. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-420-426>

Cite this article as:

Radchenko O. A. Hidden Wishes: August von Platen's Sophisticated Way to Goethe. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 420–426 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-420-426>